

Литературный факт.
2024. № 3 (33)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (33), 2024

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-33-378-415>
<https://elibrary.ru/VJAMOT>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Шмелев в СССР (Статья вторая: издания и рецепция в послевоенный период)

© 2024, Д.Д. Николаев

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В статье история публикации и рецепции творчества И.С. Шмелева в СССР после окончания Великой Отечественной войны рассматривается с точки зрения его эмигрантского «статуса». В первое послевоенное десятилетие Шмелев практически исчезает не только из читательского, но и из исследовательского пространства. Его не рассматривают как фигуру достаточно значимую в литературном процессе даже в фундаментальной академической «Истории русской литературы». Лишь в 1957 г. на родине выходит первая после долгого перерыва книга Шмелева с предисловием Б.В. Михайловского, а затем еще два сборника, подготовленные О.Н. Михайловым (1960, 1966), которые постепенно восполняют пробелы в учебных и академических трудах. В академическое осмысление литературного процесса в качестве полновесных составляющих шмелевские произведения включаются в начале 1970-х гг., но это касается только дореволюционного творчества. Наиболее полной характеристикой эмигрантского периода по-прежнему остаются несколько страниц в предисловии О.Н. Михайлова 1966 г. Если в 1957–1966 гг. Шмелева издавали, но практически не изучали, то в 1970-х – начале 1980-х изучали, но не издавали. Лишь с 1988 г. книги Шмелева начинают выпускать в СССР одну за другой. Начинается и новый этап его «присутствия» в стране и в исследовательском поле, в ходе которого созданное за рубежом встает рядом с дореволюционными произведениями, а затем и оттесняет их.

Ключевые слова: И.С. Шмелев, литературное наследие, рецепция, литературная критика, литературоведение, Б.В. Михайловский, О.Н. Михайлов.

Информация об авторе: Дмитрий Дмитриевич Николаев — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8449-4682>

E-mail: ddnikolaev@mail.ru

Для цитирования: *Николаев Д.Д.* Шмелев в СССР. (Статья вторая: издания и рецепция в послевоенный период) // Литературный факт. 2024. № 3 (33). С. 378–415. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-33-378-415>

В истории публикации и рецепции Шмелева в СССР следует выделить два периода. Первый — с отъезда писателя за границу до начала Великой Отечественной войны — рассматривался в предшествующей статье [16], теперь же мы обращаемся ко второму — послевоенному. Существенное его отличие в том, что с момента эмиграции Шмелева проходит много времени и он перестает восприниматься в СССР как активная фигура литературного процесса, несмотря на то, что и в 1930-е, и в 1940-е гг. продолжает писать и регулярно издаваться за рубежом. Соответственно, исчезают литературно-критические и публицистические отклики на произведения и выступления Шмелева.

С другой стороны, возрастающая временная дистанция задает необходимость все более пристального научного изучения предреволюционной русской литературы. Писатели, творившие в конце XIX – начале XX вв., уходят из жизни (Шмелев умирает в 1950-м) и превращаются из более или менее активных участников литературного процесса в объекты литературоведческого исследования. Кроме того, изменения происходят и в советском подходе к «белоэмигрантам», которые теперь оцениваются не только по их отношению к революции, но и по действиям во время Второй мировой войны. И здесь Шмелев входит в достаточно немногочисленную группу тех, кто продолжал занимать резко антибольшевистскую позицию и участвовал в «прогерманских антисоветских изданиях» [21, с. 39].

Задача этой статьи, как и первой, в том, чтобы выделить и проанализировать ключевые этапы издания произведений Шмелева и рецепции его творчества в СССР с точки зрения влияния на оценки и публикацию эмигрантского «статуса», а не историю исследовательской интерпретации в целом. Но в послевоенный период литературоведение играет в рецепции Шмелева гораздо более важную роль, чем прежде, хотя и не выходит сразу, как будет показано ниже, на первый план.

В начале 1940-х гг. Шмелева продолжают упоминать и в литературоведческих работах¹, и на страницах центральной советской прессы. За неделю до начала Великой Отечественной войны его фамилия появляется в «Литературной газете». 15 июня 1941 г. половина номера была посвящена М. Горькому, и в примечаниях В.В. Вересаева к неопубликованному ранее письму к нему Горького фигурировал в ряду других пайщиков товарищеского «Книгоиздательства писателей в Москве» и Шмелев (№ 24 (938). С. 2).

Уже летом 1942 г. Шмелев публикуется в прогерманском «Парижском вестнике», но к цензурным запретам в СССР это не приводит. В вышедших в Москве в 1943 г. воспоминаниях Н. Телешова «Записки писателя» он характеризуется как «человек талантливый и яркий, написавший немало сильных рассказов и повестей, в том числе “Человек из ресторана”, печатавшихся в “Знании”», с которым у автора «установились быстро и прочно товарищеские отношения»².

Этот фрагмент сохраняется и в дополненном издании 1950 г. С окончанием войны Шмелева продолжают упоминать и в нейтральном, и в положительном контекстах. К примеру, в 1945 г. в справочнике Вен. Вишневского «Художественные фильмы дореволюционной России» указывается, что сюжет снятой в 1912 г. кинокартины В. Старевича «Человек. (Драма наших дней)» «заимствован из повести И. Шмелева “Человек из ресторана”»³.

В 1946 г. в ОГИЗе выходит третье, дополненное издание «Воспоминаний» В.В. Вересаева, в котором Шмелев назван в ряду присутствовавших на собрании, где была Вера Фигнер: «На чтении присутствовали, сколько помню, В.Я. Брюсов, И.А. и Ю.А. Бунины, Б.К. Зайцев, А.С. Серафимович, Н.Д. Телешов, А.Н. Толстой. И.С. Шмелев и др.»⁴. В том же 1946 г. Петр Павленко пишет прогностическую статью «Крым в 1950 году», которую он изначально хотел опубликовать «на два подвала» в «Красной звезде». Напечатана она была в итоге в третьем выпуске сборника «Советский Крым». «В Крыму и о Крыме писали до революции А.П. Чехов, А. Куприн, И. Бунин, И. Шмелев, не говоря уже о С.Н. Сергееве-Ценском, сорок лет живущем и творящем в Алуште и представляющем для

¹ См., например: [23, с. 5].

² Телешов Н.Д. Записки писателя: Воспоминания. М.: ГИХЛ, 1943. С. 76.

³ Вишневский В.Е. Художественные фильмы дореволюционной России: (Фильмографическое описание). М.: Госкиноиздат, 1945. С. 25.

⁴ Вересаев В.В. Воспоминания. 3-е изд., доп. М.; Л.: ГИХЛ, 1946. С. 397.

всех нас образец удивительной верности “своему углу” и умению из этого угла видеть весь мир», — перечислив эти и ряд других имен, Павленко заключал: «Всё это — наши традиции, и на них должен расти, ими должен восхищаться молодой советский человек, житель Крыма»⁵.

Тем не менее, первое послевоенное десятилетие можно назвать в СССР самым «без-шмелевским», хотя в это время выходит целый ряд значимых обобщающих трудов о русской литературе конца XIX – начала XX в., в том числе соответствующий том фундаментальной академической «Истории русской литературы» [8]. Шмелев практически исчезает не только из читательского, но и из публицистического, и в значительной мере из исследовательского пространства. И смерть писателя 24 июня 1950 г. остается в Советском Союзе неотмеченной.

Даже если говорить исключительно о писателях-эмигрантах, Шмелева долгое время не рассматривают как фигуру достаточно значимую с точки зрения роли в литературном процессе, художественной и общественной значимости произведений. В архивных публикациях имя его встречается редко и преимущественно в связи с Горьким — как и прежде. К примеру, в 1954 г. в четвертом томе «Архива А.М. Горького», куда вошли письма к К.П. Пятницкому, Шмелев упоминался в письме с Капри от 18–19 января 1911 г.: «Ждет ответа Шмелев, рукопись его у нас, я не знаю, что ответить» [1, с. 272], В комментариях к письму А.А. Сабурова указывалось, что написано это «по поводу рукописи “Человека из ресторана” (напечатано в XXXVI сборнике “Знания”, 1911)» [1, с. 388]. А в именном указателе значилось: «Шмелев Иван Сергеевич (род. 1875) — писатель. В 1922 году эмигрировал за границу» [1, с. 437].

Несколько раз говорится о Шмелеве во втором томе «Летописи жизни и творчества А.М. Горького» (1958), охватывающем 1908–1916 гг. Горький «высоко оценивает его рассказы “Гражданин Уклейкин”, “Распад”, “В норе”», «критикует повесть “Под горами”, в которой заметны претензии на модернизм, рекомендует сократить ее для опубликования в “Знании”» [11, с. 116], «сообщает И.С. Шмелеву, что его рассказ <повесть “Под горами”> будет напечатан в XXXI сборнике “Знание”. Просит еще раз отредактировать рассказ и сделать небольшие сокращения» [11, с. 119], «пишет,

⁵ Павленко П. Крым в 1950 году // Советский Крым. Историко-краеведческий и литературно-художественный сборник. Симферополь: Красный Крым, 1946. Вып. 3. С. 83.

что ценит глубокую любовь Шмелева к русским людям и родной природе. Полагает, что это чувство поможет Шмелеву создать бодрые произведения, в которых нуждается Русь» [11, с. 120], «решает с К.П. Пятницким вопросы об издании в “Знании” рассказов И.Д. Сургучева и И.С. Шмелева» [11, с. 137], «пишет И.С. Шмелеву по поводу присланной им рукописи <”Человек из ресторана”>. Советует придать финалу повести более приподнятый тон, подчеркнуть внутренний рост героя, который начинает смотреть на жизнь новыми глазами. Рекомендует сократить рукопись и вместо бледного заголовка “Под музыку” дать другой, например — “Записки человека”» [11, с. 181], и т. д.

В седьмом томе «Архива А.М. Горького», вышедшем в 1959 г., где опубликованы письма к писателям и И.П. Ладыжникову, в которых тоже несколько раз фигурирует Шмелев, характеристика в именном указателе чуть шире, чем в четвертом: «Шмелев Иван Сергеевич (1875–1950) — писатель. В 1912–1913 гг. печатался в сборниках “Знание”, с 1922 г. — эмигрант» [2, с. 373]. Как мы видим, в 1959 г. по-прежнему неверно указывается год рождения писателя, но хотя бы уже указан год смерти.

В обзорных литературоведческих работах 1940-х, 1950-х и даже 1960-х гг. Шмелеву уделяется недостаточно внимания в сравнении не только с И.А. Буниним, которому он всегда уступал в советских оценках, но и с теми, с кем прежде он был как минимум на равных — Д.С. Мережковским, К.Д. Бальмонтом и т. д.

Так, в книге А.А. Волкова «М. Горький и литературное движение конца XIX и начала XX века» Шмелев упоминается лишь дважды. Сначала Волков отмечает, что по инициативе Горького в «Знание» был приглашен Шмелев: «Из письма Шмелева к Боголюбову явствует, что Шмелев был привлечен в “Знание” по совету Горького. “Согласно письму Алексея Максимовича, — писал Шмелев, — посылаю рукопись повести “Человек из ресторана”. В ней мною сделано много поправок, как видите, порядком вычеркнутых» [5, с. 312]. А затем пишет, что «вместе с Андреевым войну прославляют такие откровенные мракобесы, как Ремизов, Бердяев, Розанов, Сологуб, Мережковский, Муйжель и бывшие “знаньевцы” Чириков и Шмелев» [5, с. 444].

Наиболее показательным является посвященный литературе 1890–1917 гг. десятый том «Истории русской литературы», подготовленный ИРЛИ АН СССР. В вышедшем в 1954 г. обстоятельном и содержательном во многих отношениях исследовании ни «Человек из ресторана», ни какие-либо другие произведения Шмелева не

анализируются. Лишь в главе о Бунине все тот же Волков приводит Шмелева как пример «писателя-реалиста, бывшего знаньевца», примкнувшего к тем, кто начал «открыто прославлять империалистическую войну» [8, с. 569]. Больше ни разу ни в связи со «Знанием», ни в связи с деятельностью «Среды», ни в обзоре реалистической прозы, ни в каком-либо другом контексте Шмелев в академической истории русской литературы не называется. На 804 страницах тома к упоминанию Волковым можно добавить только перечисление в цитате из опубликованной в газете «Путь Правды» 26 января 1914 г. статьи «Возрождение реализма», приведенной в главе о журналистике И.С. Эвентовым: «В нашей художественной литературе ныне замечается некоторый уклон в сторону реализма. Писателей, изображающих “грубую жизнь”, теперь гораздо больше, чем было в недавние годы. М. Горький, гр. А. Толстой, Бунин, Шмелев, Сургучев и др. рисуют в своих произведениях не “сказочные дали”, не таинственных “гаитян”, — а подлинную русскую жизнь со всеми ее ужасами, повседневной обыденщиной» [8, с. 78].

Эта цитата вообще часто встречается в работах послевоенного времени: так статья «Возрождение реализма» начиналась, а этой статьей открывался первый раздел в изданном в 1937 г. сборнике «Дооктябрьская “Правда” об искусстве и литературе»⁶, так что не зная ее советским литературоведам было сложно. И дореволюционное суждение партийной печати, конечно, «помогало» Шмелеву, ведь газета ставила его сразу вслед за Горьким, А.Н. Толстым и Буниным: в послевоенном восприятии — двумя классиками советской литературы и «прославленным писателем, известным всему миру, лауреатом Нобелевской премии», чьи лучшие творения «будут доставлять радость полноценного эстетического наслаждения людям свободного социалистического общества»⁷.

В довоенных исследованиях литературного процесса начала XX в. Шмелев, как было показано в нашей статье об этом периоде [16], занимал более значимое место. И выпадает из истории русской литературы Шмелев не только по идеологическим причинам. Объяснить это одним эмигрантским статусом Шмелева нельзя. Как уже отмечено, в академической «Истории» отдельная глава посвящена Бунину, в название другой главы того же раздела «Проза» выне-

⁶ Дооктябрьская «Правда» об искусстве и литературе / подг. к печати С. Брейтбург; предисл. Феликса Кона. М.: ГИХЛ, 1937. С. 16.

⁷ Тарасенков А. О жизни и творчестве И.А. Бунина // Бунин И.А. Избранные произведения. М.: ГИХЛ, 1956. С. 24–25.

сены скончавшиеся в эмиграции Гусев-Оренбургский и Чириков, персональные характеристики даются Арцыбашеву, Каменскому, Зайцеву, Юшкевичу, Бальмонту и т. д., а в финале каждого фрагмента лаконично оценивается выбор, сделанный писателями после Октябрьской революции:

С открытой враждебностью встречает Бунин Великую Октябрьскую революцию. Вскоре он эмигрирует. Горький сурово осудил Бунина за его уход в стан белой эмиграции, за измену родине [8, с. 573];

В период Великой Октябрьской социалистической революции, в годы гражданской войны раскрывается со всей очевидностью мелкобуржуазная природа позиции Гусева-Оренбургского, со всей ее неустойчивостью, приведшей писателя в лагерь эмигрантов [8, с. 578];

После Октября Чириков ушел в стан белой эмиграции. Эмигрантский период у Чирикова, как и у других порвавших с родиной писателей, отличался ярко выраженным упадком творчества [8, с. 587];

Уход Зайцева в белую эмиграцию после Октября был естественен. Выразитель реакционной дворянской идеологии, Зайцев стал врагом своей родины, своего народа [8, с. 622];

В мае 1920 года, обманув доверие советского правительства, Бальмонт по командировке выехал за границу, где примкнул к контрреволюционным белогвардейским кругам [8, с. 789].

Как мы видим, предельно резкие формулировки — «измена родине», «враг родины» — не мешают рассказывать о дореволюционных произведениях писателей, их роли в литературном процессе, и даже — как в очерке о Бунине — упоминать произведения, написанные в эмиграции. Нельзя считать основанием для «исключения» Шмелева и его участие в «Парижском вестнике», поскольку больше внимания уделяется другому сотруднику газеты — И.Д. Сургучеву. А рассказ об А.В. Амфитеатрове завершается тем, что писатель «после революции пошел на службу к итальянскому фашизму, полностью денационализировался и тем позорно закончил свою жизнь» [8, с. 631].

Однако у Шмелева, в отличие от того же Бунина, в представительном и авторитетном авторском коллективе, собранном ИРЛИ, не нашлось «своего» исследователя — такого, каким был, к примеру, Б.В. Михайловский, работавший в то время в ИМЛИ. Стоит отметить, что деятельности писателей-москвичей в томе вообще уделялось меньше внимания, чем «петербуржцам»: из литературного процесса выпадал не только Шмелев, минимум говорилось и о «Московском книгоиздательстве», и о сборниках «Слово», о «Среде». Структура тома и распределение разделов по авторам предполагали, что Шмелев преимущественно находился в «зоне ответственности» А.А. Волкова, в 1940–1950-е гг. избегавшего писать о нем, хотя антибольшевистская деятельность писателей и их эмиграция не являлись для исследователя преградой. К примеру, в небольшой статье Волкова «Горький в борьбе с литературным распадом», опубликованной в журнале «Новый мир» в 1941 г., упомянуты А. Амфитеатров, М. Арцыбашев, К. Бальмонт, В. Винниченко, Б. Зайцев, А. Каменский, А. Ремизов, Б. Савинков, Е. Чириков, а Бунин вообще характеризуется подробно и положительно, поскольку «Горький резко разошелся с Буниным позже, когда Бунин встал на сторону врагов революции»⁸.

Содержание этой статьи затем повторялось в послевоенных книгах Волкова, где к перечисленным писателям-эмигрантам добавлялись и другие — Г. Иванов, В. Ходасевич, И. Северянин, Вяч. Иванов, Г. Адамович, Н. Оцуп, З. Гиппиус, Д. Мережковский, в числе тех, к кому Горький «относился с симпатией», назывался Сургучев [5, с. 306] и т. д. В «Очерках русской литературы конца XIX и начала XX века» Волкова, вышедших в 1955 г. вторым изданием, значительное внимание уделялось и творчеству Николая Гумилева. А вот Шмелев упоминался там лишь раз — все в той же цитате из правдинской статьи «Возрождение реализма» [6, с. 195].

Игнорирование Шмелева в «Истории русской литературы» могло бы пройти незамеченным, но случилось иначе. 19 февраля 1955 г. в «Литературной газете» была напечатана большая статья Н.М. Гайденкова и И.Г. Клабуновского «За творческое изучение истории литературы», в которой оценивались вышедшие после длительного перерыва очередные тома — шестой, посвященный 1820–1830 гг., и десятый, охватывающий период с 1890-х гг. до Великой Октябрьской социалистической революции. В статье,

⁸ Волков А.А. Горький в борьбе с литературным распадом // Новый мир. 1941. № 1. С. 186.

в частности, говорилось: «Анализируя наследие писателей вне литературного процесса в целом, авторы оставили почти без внимания такие имена, как И. Шмелев, А. Чапыгин, А. Неверов, ничего не сказано об А. Эртеле, который начал свою литературную деятельность раньше, но имел значение в литературной жизни и этого периода»⁹.

Статья не делилась на части по авторству, но про десятый том писал Клабуновский — в то время заведующий кафедрой советской литературы факультета русского языка и литературы МГПИ. С точки зрения оценок Шмелева важнее даже предыдущие места работы Клабуновского: начальника Управления высшей школы СССР в 1941–1945 гг., директора Литературного музея в 1944–1946 гг. и заместителя председателя Комитета культуры при Совмине СССР в 1946–1951 гг. Этот послужной список показывает, что и Клабуновский, и «Литературная газета» прекрасно понимали значение выступления в защиту Шмелева не только с профессионально-исследовательской, но и с партийно-идеологической точки зрения. И аудитория издания учитывала, что они это значение понимают.

Газета не просто выражала мнение двух исследователей, а посылая четкий сигнал: наследие Шмелева необходимо рассматривать как факт истории литературы, подводя итоги творчества умершего уже писателя, а не продолжая идеологическую борьбу с ним как с действующим противником советской власти. В ряду, в который встраивался в статье Шмелев, уже не имело значения, умер ли писатель в эмиграции, в СССР или в дореволюционной России. Шмелев, Чапыгин, Неверов, Эртель являлись частью истории русской литературы — и их предлагалось рассматривать и анализировать в этом качестве.

Впрочем, нельзя сказать, что призыв «Литературной газеты» был воспринят как руководство к действию. Незамедлительной исследовательской реакции, разумеется, и не могло последовать — процесс подготовки научных трудов является длительным, но даже спустя десятилетие Шмелева при изучении русской литературы по-прежнему «оставляли почти без внимания», хотя в учебнике Волкова «Русская литература XX в.» о Шмелеве и стало говорить больше. Зато спустя два года на родине выходит первая после долгого перерыва книга Шмелева, и предисловия к ней и к двум последующим сборникам писателя, изданным в СССР в 1960-е гг., постепенно восполняют пробел, который продолжает существовать в учебных и академических трудах.

⁹ Литературная газета. 1955. 19 февраля. № 22 (3367). С. 3.

Конкретно о необходимости уделять больше внимания Шмелеву «Литературная газета» в 1955 г. заявляет первой, но в целом это выступление укладывается в общую тенденцию, намеченную двумя месяцами ранее на Втором всесоюзном съезде советских писателей. «Не следует, по моему мнению, отчуждать Бунина от истории русской литературы, и все ценное из его творчества должно принадлежать читателю так, как принадлежит лучшее из наследия Куприна»¹⁰, — заявил тогда в своей речи К. Федин, и слова его были встречены аплодисментами.

Правда, Федин отделял Куприна, который «возвратился, чтобы освободиться от невыносимой тоски по родной земле», и Бунина, которому «недостало сил уже будучи советским гражданином вернуться домой», от тех, кто «еще посильно помогает врагам советского народа». А поскольку имен помимо Бунина и Куприна не прозвучало, Шмелев, как и некоторые другие писатели-эмигранты, оказался в «серой зоне». Про него нельзя было сказать, что он получил советское гражданство, но и к числу до сих пор помогающих врагам Шмелев, скончавшийся в 1950 г., уже явно не относился.

С одной стороны, «Литературная газета» прямо заявила, что Шмелев — среди писателей, которых «нельзя отчуждать». С другой — тогда не было и речи о том, чтобы «все ценное из его творчества» принадлежало читателю, т. е., как у Бунина, активно перепечатывались и произведения, созданные за рубежом, тем более что изданию в СССР многих книг Шмелева долгое время мешала не только антибольшевистская позиция, но и его религиозность. В результате возвращение Шмелева советским читателям началось с самого известного дореволюционного произведения: в 1957 г. «Государственное издательство художественной литературы» выпустило отдельной книгой повесть «Человек из ресторана». Текст был напечатан по изданию 1922 г., а открывал книгу очерк Б.В. Михайловского «И.С. Шмелев», в котором впервые в отечественном литературоведении подводились итоги творчества Шмелева.

В вводной части очерка четко определялись главные для советской аудитории произведения Шмелева: «В лучшую пору своей писательской деятельности — в период после первой русской революции (1907–1912 годы) — Шмелев тесно связал свое творчество

¹⁰ Литературная газета. 1954. 26 декабря. № 159 (3343). С. 6.

с демократической литературой, стал в ряды писателей-реалистов, объединившихся вокруг горьковского издательства “Знание”. В эти годы были созданы наиболее значительные повести Шмелева — “Гражданин Уклеикин”, “Человек из ресторана”, вошедшие в историю русской литературы» [15, с. 3].

Очерк был разделен на четыре подглавки, и собственно «Человеку из ресторана», занимающему, по определению Михайловского, «центральное место в наследии Шмелева» и «наиболее ценному его произведению» [15, с. 7], была посвящена лишь одна из них, третья. Михайловский рассказывал о замечаниях Горького, о «типичности бытовых картин, созданных Шмелевым» [15, с. 8] и характерности образа Скороходова, об использованной форме «сказа», отмечал, что повесть «отличается тонкостью и глубиной психологического анализа» [15, с. 10], противопоставлял Шмелева тем писателям, кто «в годы реакции <...> (Винниченко, Сологуб, Арцыбашев и др.) клеветали на революционеров, искаженно изображали его» [15, с. 11]. Перед этим Михайловский коротко рассказывал о раннем творчестве писателя, отмечал, что «в области детской литературы Шмелев оставил след такими произведениями, как, например, “В новую жизнь” (1907)» [15, с. 4], что «к литературному творчеству Шмелев вернулся под влиянием событий первой русской революции» [15, с. 5], что «в лучших произведениях Шмелева 1907–1912 годов живо ощутимы прогрессивные традиции группы “Знание”, традиции русского критического реализма» [15, с. 5], и особо выделял «Гражданина Уклеикина».

Михайловский утверждал, что «Шмелев не долго удержался на высоте, достигнутой в пору расцвета его таланта. Ослабевала демократическая идейность его творчества, сила социальной критики; его произведения становились аполитичными, он склонялся к бытовым зарисовкам, “живописи настроений”» [15, с. 13], «лакировал русскую действительность эпохи первой мировой войны» [15, с. 14]. О послереволюционном периоде жизни Шмелева говорилось лишь в одном, предпоследнем абзаце: «Великая правда Октябрьской социалистической революции осталась чуждой Шмелеву; в 1922 году он покинул родину, стал белоэмигрантом. После 1917 года Шмелев писал произведения, в которых с озлоблением говорил о революции, о разрухе и голоде времен гражданской войны. В других своих повестях и рассказах эмигрантского периода Шмелев с умилением рисовал патриархальную жизнь давнего прошлого, крепостнической России или доходил до патологической фантастики и мистики в духе декадентской литературы» [15, с. 14].

Как мы видим, в этой характеристике ничего не говорится об «оскудении» шмелевского творчества в эмиграции или чем-либо подобном. Михайловский характеризует только тематику и проблематику, но не художественную сторону произведений. И хотя в заключительном абзаце очерка есть явное осуждение, переходит от него Михайловский к тому, что Шмелева надо издавать в СССР.

И в осуждении, и в одобрении ориентироваться предлагается на авторитет Горького, к которому часто прибегали для «возвращения» и других писателей-эмигрантов: «Горький резко осуждал эмигрантские писания Шмелева (“нечто невыносимо истерическое”). Однако Горький продолжал высоко ценить лучшие дооктябрьские произведения Шмелева, считал нужным знакомить с ними советского читателя. Об этом свидетельствует, например, письмо к И.А. Груздеву (от июня 1927 года), где Горький, одобряя деятельность Государственного издательства, отмечал: “Хорошо, что начали издавать Бунина, Куприна, Шмелева...” Такие реалистические повести Шмелева, как “Человек из ресторана”, “Гражданин Уклеikin”, отразившие эпоху первой русской революции, проникнутые гуманизмом и демократической идейностью, остаются неотъемлемым достоянием русской литературы» [15, с. 14].

Необходимость переиздать не только «Человека из ресторана», но и «Гражданина Уклеикина» стала одним из главных аргументов при подготовке сборника Шмелева «Повести и рассказы», вышедшего в итоге в 1960 г. Составителю, автору предисловия и примечаний О.Н. Михайлову удалось включить в книгу не только дореволюционные произведения, но и созданные после 1917 г., в том числе уже в эмиграции: «Гражданин Уклеikin», «Человек из ресторана», «Пугливая тишина», «Забавное приключение», «Неупиваемая Чаша», «Чужой крови», «Как мы летали», «Как я стал писателем» и «Как я встречался с Чеховым».

Структура предисловия напоминает очерк Михайловского, но сама концепция «избранного» и позволяет, и заставляет детальнее писать о том, чего Михайловский вообще не касался или касался «вскользь», в том числе и об эмигрантском периоде творчества. Прежде всего следует обратить внимание на то, что Михайловым «восстанавливается» настоящий год рождения писателя — он даже вынесен в название предисловия: «Иван Сергеевич Шмелев (1873–1950)». Рассказывая о дореволюционном периоде, Михайлов больше внимания уделяет семье Шмелева, которая «отличалась патриархальностью» и религиозностью [12, с. 3], детским впечатлениям от Замоскворечья, гимназическим годам, поездке на

Валаам и книге «На скалах Валаама», деятельности «Книгоиздательства писателей в Москве» и, разумеется, вошедшим в сборник произведений.

Шмелев здесь представлен уже как гораздо более активная и значимая фигура литературного процесса. Меняются и некоторые оценки — в частности, творчества Шмелева после 1912 года. Если Михайловский писал, что «Шмелев не долго удержался на высоте», то Михайлов настаивает на обратном: «В течение 1912–1914 годов в “Книгоиздательстве писателей в Москве” публикуются рассказы и повести Шмелева “Стена”, “Пугливая тишина”, “Волчий пережат”, “Росстани”, “Виноград”, упрочившие его положение в литературе как крупного писателя-реалиста» [12, с. 13]. Иначе оцениваются и произведения о Первой мировой войне, в том числе сборник «Суровые дни», которые «выделяются на фоне казенно-патриотической беллетристики, заполонившей литературный рынок в пору первой мировой войны» [12, с. 18].

Но наиболее значимые изменения касаются послереволюционного времени, которое включается в биографию Шмелева не несколькими строчками, а как полноценный период, представленный читателю в том числе и текстами художественных произведений. Если считать не по объему, а по количеству произведений, то в сборнике послереволюционный период даже преобладает: пять из девяти написаны после 1917 г., два из пяти — в эмиграции. И «эмигрантская составляющая» не скрывается, а, скорее, подчеркивается. В коротких примечаниях отмечается, что «Неупиваемая Чаша», «Чужой крови», «Как мы летали», «Как я стал писателем» и «Как я встречался с Чеховым» печатаются по книгам Шмелева, вышедшим в Праге, Берлине, Белграде, Нью-Йорке [12, с. 461], хотя в случае с первыми тремя произведениями этого можно было избежать.

В предисловии же Михайлову приходится выстраивать систему противовесов. Подробней рассказывая о созданных в эмиграции произведениях, он вынужден «уравновешивать» это, но сама выбранная схема позволяет не только противопоставить один период другому, но и показать масштаб и значимость эмигрантского творчества. В первом абзаце отмечается, что «жизненная и творческая биография» Шмелева «сложна и противоречива»: «В девятисотые годы — это демократически настроенный писатель, автор таких гуманистических произведений, как “Гражданин Уклейкин” и “Человек из ресторана”, последние годы своей жизни — эмигрант, утративший связь с народом и с родиной» [12, с. 3]. В заключитель-

ном — подводится итог: «За рубежом Шмелев выпустил больше двадцати книг. Однако это его творчество не может идти ни в какое сравнение с произведениями предреволюционной поры. Потеря русской почвы, утрата непосредственных впечатлений от русской действительности губительно сказалась на его эмигрантских произведениях» [12, с. 21]. Но в тексте предисловия утверждается, что «крайняя неровность», «постоянные взлеты и падения» были свойственны творчеству Шмелева в целом [12, с. 16], так что отмеченная «неравноценность его последних произведений» [12, с. 21] не связывается именно с эмиграцией. И хотя «резкое ограничение тематики вызвало опустошительные изменения в творчестве Шмелева» [12, с. 21], трактовать формулу «опустошительные изменения» можно, как и у Михайловского, с точки зрения изменений тематики, сужение которой вовсе не предполагает меньших художественных достоинств.

Из созданного Шмелевым в эмиграции в предисловии называются «Богомолье», «Лето господне», «Как я стал писателем», «Музыкальная история», «Железный дед», «Весенний плеск», «История любовная», «Солдаты», «Пути небесные», «Няня из Москвы», причем в ряде случаев Михайлов просто на них ссылается, не фиксируя внимание на том, что эти произведения написаны за границей. Если же даются оценки, то оценки эти разные — как и в случае с дореволюционными произведениями: «Рядом с поэтической повестью “История любовная” (1928) писатель создает лубочный роман “Солдаты” на материале первой мировой войны: вслед за лирическими очерками автобиографического характера появляется двухтомный роман “Пути небесные” (1937–1948), растянутое и местами аляповатое произведение о “русской душе”» [12, с. 20].

В течение четырех лет в главном советском издательстве художественной литературы выходят две книги Шмелева, но это не связано с изменением отношения персонально к нему. После Второго съезда советских писателей начинают издавать и ряд других эмигрантов, которых прежде долгое время не печатали. Про многочисленные книги Бунина мы не говорим: его публиковали и до 1955 г. Но, к примеру, в 1958 г. «Государственное издательство художественной литературы» выпускает объемный том избранных произведений С. Гусева-Оренбургского¹¹

¹¹ Гусев-Оренбургский С.И. Повести и рассказы / вступ. ст., примеч. и подгот. текста И.М. Гронского. М.: ГИХЛ, 1958. 567 с.

Михайлов вспоминал, каких трудов ему стоило «пробить» сборник 1960 г. И советские издательства остерегались не без причин: чтобы печатать даже дореволюционные произведения эмигрантов, тем более — тех, кто продолжал выступать против СССР во время войны, по-прежнему требовалась очень весомая аргументация. Надо было объяснить, зачем их произведения нужны советскому читателю. Но людям, принимавшим идеологические решения, сами произведения чаще всего были неизвестны, и ориентировались они в большинстве случаев изначально не на содержание конкретных текстов, а на зафиксированное отношение авторов к советскому социалистическому государству и коммунистической идее.

После Великой Отечественной войны кто-то из эмигрантов вернулся на родину, кто-то оказался гражданином новых социалистических стран в Европе, кто-то стал занимать «прогрессивные позиции» в капиталистических странах, принял советское гражданство — на самом деле, или о них так говорили — все это переводило писателей из одного «разряда» в другой, значительно упрощало публикацию в СССР. Но Шмелев продолжал оставаться в ряду эмигрантов-реакционеров.

В том же 1960 г. Ю.М. Лауфер указывал, например, на «серьезные недостатки и ошибки» в указателе И.В. Владиславлева: «В книгу, имевшую целью показать русскую литературу за послеоктябрьское десятилетие, оказались включенными Мережковский, З. Гиппиус, Алданов, Арцыбашев, Шмелев и др., чьи реакционные произведения печатались в это время в белоэмигрантских издательствах. причем в пособии была указана критическая литература о творчестве этих писателей, помещенная в заграничных контрреволюционных изданиях»¹². А в очерке истории русской советской литературы, подготовленном ИМЛИ АН СССР и изданном в 1963 г. «Учпедгизом» в качестве пособия для студентов филологических факультетов пединститутов и университетов, не только отмечалось, что «по ту сторону баррикад осталась часть писателей дооктябрьского периода, особенно тесно связанная с буржуазно-дворянским строем (А. Амфитеатров, З. Гиппиус, Д. Мережковский, А. Ремизов, И. Бунин, И. Шмелев, М. Арцыбашев, Б. Зайцев и другие эмигрировавшие за границу)», но и указывалось в сноске, что «Мережковский, Гиппиус, Шмелев позднее сотрудничали с гитлеровцами» [20, с. 15].

¹² Лауфер Ю.М. Литературная библиография 1917–1941 годов // Советская библиография: сб. ст. М.: Гос. ордена Ленина библиотека СССР им. В.И. Ленина, 1960. С. 383.

На этот фрагмент надо обратить особое внимание, поскольку упоминание Шмелева появилось только во втором, доработанном издании. В первом, вышедшем в двух томах в издательстве АН СССР в 1954–1955 гг., перечень писателей в скобках был значительно короче: «По ту сторону баррикады осталась лишь незначительная часть писателей дооктябрьского периода, особенно тесно связанных с буржуазно-дворянским строем, в творчестве которой еще до Октября сказалась зоологическая ненависть к народным массам, к революции (А. Амфитеатров, З. Гиппиус, Д. Мережковский, А. Ремизов, эмигрировавшие за границу)» [17, с. 40]. Как мы видим, при переработке, с одной стороны, убрали явно не соответствующую перечислению дооктябрьскую «зоологическую ненависть к народным массам, к революции» (это у Амфитеатрова-то, написавшего фельетон «Господа Обмановы», а затем вынужденного уехать за границу!), с другой — добавили в список четыре фамилии, в том числе Шмелева, и четко разграничили эмигрантов по их поведению во время войны.

Тех, кто «пробивал» советские издания писателей-эмигрантов, критиковали не только в СССР. О.Н. Михайлова гораздо больше огорчала реакция части эмигрантской аудитории, не сознававшей, что у произведений Шмелева после войны были минимальные шансы на публикацию в Советском Союзе, и считавшей, что издавать его стали не благодаря многолетним усилиям публикаторов, а исключительно из-за масштаба писательского таланта. Рассуждая о свирепой и беспощадной советской цензуре, критики в то же время не желали понимать, что сборник Шмелева стал результатом сложных редакционных компромиссов, уравновешивавших привычными для характеристик эмигрантов формулами тексты и факты, открывавшие советской аудитории неизвестное ей прежде творчество писателя в эмиграции.

23 апреля 1961 г. в нью-йоркской газете «Новое русское слово» появилась заметка под названием «Литературная амнистия», посвященная Бунину и Шмелеву. В ней Г. Раковский обличал тех, кто занимался публикацией эмигрантов, и в первую очередь Михайлова, именуя его «убогим партийным критиком».

Автор «Окаянных дней» — Бунин и автор «Солнца мертвых» — Шмелев получили посмертную, но лишь частичную литературную амнистию. Приходится употребить слово «частичную», п. ч.

в предисловиях к указанным изданиям покойным писателям снисходительно отпускаются политические грехи лишь с оговорками. В статье, которая является предисловием к однотомнику, советский критик Михайлов утверждает, что зарубежное творчество Шмелева «не может идти ни в какое сравнение с произведениями предреволюционной поры». Он считает, что потеря русской почвы, утрата непосредственных впечатлений от русской действительности «губительно сказались на его эмигрантских произведениях». Для характеристики эмигрантского творчества Шмелева Михайлов употребляет фразы: «пасквили на Октябрьскую революцию... истерические вопли обалдевшего от ненависти человека»...¹³

В качестве доказательства обратного Раковский называет «Неупиваемую Чашу», «Солнце мертвых», рассказы из серии «Свет разума», «Про одну старуху», «Историю любовную», «Няню из Москвы», «Богомолье», «Лето Господне», «Пути небесные» и др. как примеры того, что «блестящим продолжением пути писателя является художественное творчество Шмелева после революции», а также утверждает, что «только эмиграция спасла Шмелева от гибели физической и, несомненно, от гибели как писателя».

На самом деле последние заковыченные фразы в рецензии Раковского — это фрагменты из статьи Д. Горбова 1927 г., на которую и ссылается Михайлов: «Подобные произведения уже получили в свое время аттестацию на страницах советской печати». Сам же он лишь констатирует «отказ писателя от собственных демократических заветов» [12, с. 20], но обличительный пафос рецензента позволяет ему этого «не заметить».

Раковский имел право на резкие суждения, но его высокое мнение о творчестве Шмелева после революции на самом деле в целом разделяли и беспартийный О.Н. Михайлов, и многие литературоведы — члены партии. Как уже отмечалось, некоторые из перечисленных произведений высоко оценивались и в обличаемом предисловии, а написанная еще до эмиграции «Неупиваемая Чаша» вообще в сборник входила. Но акцентируя внимание на «Солнце мертвых» и утверждая, что «только эмиграция спасла Шмелева от гибели», Раковский по сути добивался того, чтобы Шмелева вновь перестали печатать на родине. «Русские писатели — как Бунин, Шмелев и Зайцев, не нуждаются в советской литературной амнистии. Бунин занял прочное место в русской классической ли-

¹³ Новое русское слово. (Нью-Йорк). 1961. 23 апреля.

тературе. А эмоциональный Шмелев стал самым близким, самым любимым писателем русской эмиграции. Игнорировать творчество этих двух писателей оказалось невозможным даже там, где свирепствует беспощадная советская цензура», — заключал Раковский. На самом деле игнорировать Шмелева было можно. Он не получал Нобелевской премии по литературе, не получал советского гражданства, которое открывало дорогу в СССР. А статус «самого любимого писателя русской эмиграции» для цензоров был не достоинством, а совсем наоборот.

Подобные отклики на советские издания в эмигрантской прессе, как и указание в учебнике на «сотрудничество с гитлеровцами», могли бы сразу поставить барьер на публикации произведений Шмелева в СССР, но в 1964–1966 г. его еще продолжают печатать.

В январском номере журнала «Новый мир» за 1964 г. появляется подготовленная В. Баумовым подборка из книги «Лето господне» под общим названием «Из прошлого»: «Обед “для разных”», «Ледоколье» и «Ледяной дом». В небольшой врезке отмечается, что книга Шмелева носит автобиографический характер, а «обращение к ушедшей в прошлое жизни характерно для эмигрантской литературы»: «Оторванная от своего народа, родины, литературная эмиграция, естественно, не могла не впасть в оскудение. Только в минувшем, изжитом нашим народом, могли находить себя писатели-эмигранты». «Лето господне» в этом отношении ставится в один ряд с «Жизнью Арсеньева» и «Юнкерами», но место рядом с Буниным и Куприным обусловлено не только тематикой, но и художественной значимостью. Шмелев представлен как известный русский писатель, в публикуемых произведениях которого «сказываются и традиции русского реализма, которые в свое время так сильно проявились в “Человеке из ресторана”, “Гражданине Уклейкине” и некоторых других предреволюционных произведениях»¹⁴.

Публикация эмигрантского творчества Шмелева продолжается в еще одном периодическом издании с огромным тиражом — иллюстрированном обзоре «Неделя», воскресном еженедельном приложении к газете «Известия». В номере от 23–29 августа 1964 г. печатается «Наполеон: рассказ моего приятеля», датированный: «Север, март 1928 г.». В прамбуле А.В. Храбровицкого говорилось:

¹⁴ Новый мир. 1964. № 1. С. 124.

Творчество талантливого русского писателя Ивана Сергеевича Шмелева (1875–1950) мало известно советским читателям. Это объясняется оторванностью писателя от Родины, которую он покинул в 1922 году.

Широко известная у нас лишь повесть Шмелева «Человек из ресторана», переведенная на многие языки, инсценированная в кино и переизданная в 1957 году Гослитиздатом.

Шмелев родился и вырос в Москве, был ее бытописателем. К воспоминаниям о Москве писатель часто обращался в эмигрантский период своей жизни. Рассказ «Наполеон», публикуемый в советской печати впервые, воссоздает живую картинку — грустную и в то же время комическую — быта ушедшей Москвы¹⁵.

Еще два рассказа Шмелева, подготовленные к печати В. Чуваковым, помещаются на страницах «Недели» в 1965 г. — «Как мы открывали Пушкина: Из воспоминаний моего приятеля» (30 мая – 5 июня) и «Как я узнавал Толстого» (25–31 июля). Врезка к первой публикации во многом повторяет ту, что появилась в 1964 г., в том числе ошибку в годе рождения, но за год Шмелев в интерпретации редакции превращается из малоизвестного советскому читателю — в хорошо известного:

Имя Ивана Сергеевича Шмелева (1875–1950) — автора талантливой повести «Человек из ресторана», опубликованной в 1911 году в сборнике «Знание», который редактировал М. Горький, хорошо известно советскому читателю. В 1914 году «Правда» назвала Шмелева в числе писателей-реалистов, показывавших «подлинную русскую жизнь со всеми ее ужасами, повседневной обыденщиной».

Судьба писателя сложилась трагично. Не поняв значения Великой Октябрьской социалистической революции, И. Шмелев обрек себя на изгнание. Разрыв с Россией обескровил его талант. И потому в очень неровном творчестве И. Шмелева эмигрантского периода наибольший интерес представляют произведения, в которых он обращался к годам своего детства и юности.

В 1960 году Государственное издательство художественной литературы выпустило одностомник избранных повестей и рассказов Ивана Шмелева. Рассказ «Как мы открывали Пушкина» печатается впервые¹⁶.

¹⁵ Неделя. 1964. № 35. С. 6–7.

¹⁶ Неделя. 1965. № 23. С. 6.

Ну а в июльском номере Шмелева вообще уже не считают нужным представлять — раз он известный писатель.

В 1966 г. выходит еще один сборник Шмелева, составленный О.Н. Михайловым, под тем же названием «Повести и рассказы» и фактически в том же издательстве, переименованном теперь в «Художественную литературу». Из предыдущей книги в него переходят «Человек из ресторана», «Забавное приключение», «Неупиваемая Чаша» и «Чужой крови», к которым добавляются «Росстани», «Наполеон», «Москвой» и «Мартын и Кинга». Эмигрантские произведения, входившие в сборник 1960 г., заменяются на другие, их становится больше, но с точки зрения объема и значимости текстов перемены эти значительными считать нельзя. А вот вступительная статья меняется существенно — и стилистически, и в оценках эмигрантского творчества Шмелева. Причем трансформируется текст таким образом, что даже перешедшие в него почти дословно предложения из первой статьи за счет небольшой правки или за счет контекста теряют свое «обличительное» значение:

За рубежом Шмелев выпустил больше двадцати книг. Однако это его творчество не может идти ни в какое сравнение с произведениями предреволюционной поры. Потеря русской почвы, утрата непосредственных впечатлений от русской действительности губительно сказалась на его эмигрантских произведениях [12, с. 21] (1960);

За рубежом Шмелев выпустил больше двадцати книг. Однако они не выдерживают сравнения с произведениями дореволюционной поры. Войдя в «большую» литературу как писатель гражданской, остросоциальной проблематики, Шмелев в последние годы оказался «бытописателем русского благочестия», как назвал его один из князей православной церкви. Потеря родины, утрата непосредственных впечатлений — всё это не могло не отразиться на его эмигрантских произведениях [13, с. 17] (1966).

Начинается предисловие уже не с противопоставления, а с фрагмента из письма Шмелева Горькому 1910 г. — года для него «переломного в писательской биографии», по определению Шмелева. На смену прежнему историческому «перелому», связанному с Октябрьской революцией, приходит совершенно иной, и от него затем рассказ о Шмелеве движется в разные стороны — к рождению, предкам, родному Замоскворечью, семейной «патриархальности привычек, богомольности, истовым соблюдением религиозных

обрядов» [13, с. 5], и к смерти, когда «он решает “жить настоящим христианином” и с этой целью, 24 июня 1950 года, уже тяжело больной, отправляется в монастырь, под Париж» [13, с. 17]. Эта линия была намечена Михайловым уже в 1960 г., откуда в 1966 г. фрагмент переходит с минимальными изменениями, главное из которых — добавление в список произведений «Путей небесных»: «Домашнее воспитание заронило глубоко в его душу семена религиозности (достаточно было в эмиграции иссякнуть притоку непосредственных впечатлений от русской жизни, как эти семена дали поздние всходы, окрасив творчество Шмелева в тона истового православия — “Богомолье”, 1931–1948; “Лето господне”, 1933–1948; “Пути небесные”, 1936–1948)» [13, с. 5]. Но прежде композиция скорее скрывала, чем подчеркивала ту связь, что Михайлов считал одной из важнейших в творчестве Шмелева.

Конечно, в предисловии есть и первая русская революция, и «гибель старого уклада», и «обличение виновников бесправия и нищеты», и «изображение угнетенных, в которых революция высекает искру протеста, человеческого достоинства», и «реалистическая тенденция», и «дальнейшее развитие гуманистической темы “маленького человека”» [13, с. 7–8] — потому что всё это есть и играет важнейшую роль в дореволюционном творчестве Шмелева. Как есть в нем и «На скалах Валаама», и «пейзажи во всем богатстве их ароматов и красок» [13, с. 10], и «самоцветный язык» [13, с. 12], и «пристальное внимание к национальной специфике, к “корню” русской жизни» [13, с. 13], и многое другое.

В этом творческом многообразии послереволюционный период занимает в предисловии уже почти такое же значительное место, как и дореволюционный. Даже отъезд из России не интерпретируется негативно: «Логика событий медленно и неуклонно требовала от писателя выбора позиции. Чрезвычайно тяжело пережив гибель единственного сына, Шмелев в 1922 году, по приглашению И.А. Бунина, выезжает в Берлин, а затем в Париж» [13, с. 14]. Нет в статье и негативной оценки творчества Шмелева в эмиграции. На этот раз в ней упоминаются и «яростные, тенденциозные рассказы-памфлеты и памфлеты-повести — “Про одну старуху” (1925), “На пеньках” (1925), “Солнце мертвых” (1923), “Каменный век” (1924)» — в сопровождении все тех же формулировок из статьи Горбова. Но формулировки эти используются, чтобы тут же заключить: «К счастью, творчество Шмелева в последние три десятилетия его жизни не может быть сведено к этой очернительной беллетристике» [13, с. 15].

И затем — прежде, чем перейти к повторяющему текст 1960 г. рассуждению о неравноценности творчества, который цитировался выше, — следуют две страницы, полные восхищения шмелевскими произведениями эмигрантского периода, с пространными цитатами, примерами «яркой метафоричности», «“чистой” изобразительности», которая «растет» и «служит воспеванию православия», утверждениями, что «вряд ли кто может соперничать со Шмелевым в знании быта старого купечества, переданном в сопереживании и преображении отошедшей жизни», что «без преувеличения, не было подобного языка до Шмелева в русской литературе», что «в его последних книгах — крепчайший настой первородных русских слов, пейзажи-настроения, поражающие своей высокой лирикой» [13, с. 15–17].

Шмелева продолжают публиковать, а все то же «Новое русское слово» продолжает упорно указывать на явное, с точки зрения редакции, несоответствие в отношении к Шмелеву в СССР, приводя в пример, с одной стороны, цитату из учебника о «сотрудничестве с гитлеровцами», а с другой — публикацию в «Новом мире», «в котором И.С. Шмелев назван известным русским писателем и ровно ничего не говорится о том, что он “сотрудничал с гитлеровцами”». «И кто же теперь Шмелев, известный русский писатель или изменник и предатель?» — спрашивает 12 декабря 1955 г. (№ 19270. С. 8) в «Литературных заметках» В. Самарин (В.Д. Соколов), который, отметим, во время войны сотрудничал в газетах в оккупированном Орле, а затем в 1944–1945 гг. — в берлинской газете Комитета освобождения народов России «Воля народа».

И «совместные усилия» американских ревнителей и советских противников Шмелева дают свои результаты. После 1966 г. и вплоть до 1980-х гг. книги его в СССР больше не издаются. Но вновь обретенный Шмелевым статус известного писателя при этом под сомнение не ставится. Несмотря на отсутствие новых изданий, Шмелев продолжает оставаться в учебном, научном, культурном пространстве, с 1965 г. звучит на радио «Наполеон» в исполнении Петра Вишнякова, в 1967 г. тиражируется драма в двух действиях Владимира Гольдфельда «по мотивам одноименной повести» Шмелева «Человек из ресторана»¹⁷ и т. д.

¹⁷ Гольдфельд В.А. Человек из ресторана: Драма в 2 д. По мотивам одной повести И. Шмелева. М.: ВУОАП, 1967. 74 л.

Общий тираж вышедших в 1957–1966 гг. трех книг (300 000 + 100 000 + 50 000 экземпляров) означал масштабное возвращение Шмелева читателям. А вот свое место в истории литературы, несмотря на призывы «Литературной газеты» и большие тиражи, Шмелев возвращает не сразу. Два предисловия О.Н. Михайлова на протяжении долгих лет остаются самыми объемными и обстоятельными очерками жизни и творчества писателя, а в том, что касается эмигрантского периода, ситуация не меняется до последних лет существования СССР.

В 1960-е гг. по-прежнему минимум внимания уделяют Шмелеву и в академических исследованиях русской литературы конца XIX – начала XX вв. Его обходят стороной в заключительном томе трехтомной «Истории русской литературы» под редакцией Д.Д. Благого (1964), который готовился совместно ИМЛИ и ИРЛИ, хотя там, как и в 10-м томе «Истории русской литературы», встречаются имена других писателей-эмигрантов: есть, разумеется, Бунин, а также Мережковский, Гиппиус, Бальмонт. Чириков, Юшкевич, Зайцев, Ремизов, Арцыбашев, Анатолий Каменский, Сургучев, Бурлюк и т. д.

В журнале «Вопросы литературы» за первые 20 лет его существования (1957–1976) нет ни одной специальной публикации, посвященной Шмелеву, хотя непреодолимого барьера для эмигрантов и там не существует: в издании регулярно пишут о Буине, есть публикации о Тэффи, Бальмонте, Мережковском. А в журнале «Русская литература» в название публикации имя Шмелева впервые выносится в 1966 г. В № 3 печатается «сообщение» В.П. Вильчинского «И.С. Шмелев в журнале “Родник”», которое открывается краткой характеристикой Шмелева:

В Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР хранятся несколько писем автора весьма популярной в прошлом повести «Человек из ресторана» (1911) к редактору журнала «Родник». Они относятся к тому периоду творчества И.С. Шмелева, который оставил заметный след в истории литературы и ознаменован публикацией таких рассказов, как «Распад» (1906), «Гражданин Уклейкин» (1907), «Под небом» (1910). В этих произведениях уже отчетливо наметились те черты творчества писателя, которые с особой силой проявились в его лучшей повести. В свое время «Человека из ресторана» критика сравнивала со страницами Достоевского, посвященными страданиям

оскорбленных и униженных жизнью «бедных людей». Для Шмелева характерно глубокое проникновение в их быт и психику, горячее сочувствие их нелегкой судьбе. О подлинном демократизме писателя свидетельствует, например, его рассказ «Рваный барин» <...>

Другой особенностью творчества Шмелева является страстная тяга его героев к лучшей жизни и пронизывающая многие произведения писателя вера в конечную победу света над тьмой, разума над глупостью, добра над злом в человеке и обществе. <...>

По словам М. Горького, в рассказах Шмелева «Уклеикин», «В норе», «Распад» «всюду звучало драгоценное, наше русское, юное недовольство жизнью». Это и привело его в лагерь демократических писателей, которые группировались вокруг Горького и издательства «Знание» и выступали в начале века выразителями общенародного движения против царизма» [3, с. 185].

Из приведенной цитаты видно, что Шмелев, несмотря на многотысячный тираж вышедших уже в СССР после войны его книг, представляется аудитории профессионального журнала как фигура практически забытая: публикация его переписки с Н.А. Альмединген фактически предваряется «справкой» популярно-энциклопедического характера. Кстати, Вильчинский ссылается на вступительную статью Михайлова к книге Шмелева «Повести и рассказы». В одном из писем Шмелева, а затем и в примечаниях, упоминается и сын Шмелева Сергей, но о его трагической судьбе в сообщении не говорится. А о эмиграции писателя неосведомленный читатель может узнать лишь из заключительного предложения: «Этим желанием проникнуты и приведенные выше письма Шмелева; подобно его произведениям 900–910-х годов, выраженные в письмах прогрессивные демократические идеи пережили позднейший эмигрантский период деятельности писателя» [3, с. 190].

Отметим, что в том же 1966 г., в следующем номере «Русской литературы» Шмелев упоминался в ряду писателей, «оказавшихся в стане врагов Октябрьской революции», вопрос об отношении к которым в СССР уже «давно решен <...> и в принципиальном и в практическом планах»:

Наше советское общество проявило истинную широту души, широту взгляда в этом вопросе. Мы не только издаем книги таких писателей (А. Куприна, Л. Андреева, И. Шмелева, И. Бунина и других), мы также пишем об их авторах, публикуем воспоминания о них, критико-библиографические работы. Но в то же время в этих

работах мы не отрицаем и не искажаем самого факта неприятия ими социалистической революции или факта перехода их в лагерь противников этой революции, факта их идейного банкротства. Подкрашивать писателей, не пошедших с революцией, выдавать их чуть ли не за революционеров — это непозволительно и никому не нужно — ни нам, ни потомству, ни самим писателям. Что было, то было, из песни слова не выкинешь, прошлое никому не дано переделывать. И народ, новые поколения, должны знать правду о прошлом, о тех или других деятелях и должны принимать их такими, какими они в действительности были, — с их недостатками или пороками, но и с их достоинствами и достижениями. Не должно быть шельмования, но не должно быть и лакировки [18, с. 183–184].

Двух из перечисленных В.М. Проскуриным «врагов Октябрьской революции» Вильчинский объединил в названии своей статьи «Л. Андреев и И. Шмелев», появившейся в журнале «Русская литература» в 1971 г. Подчеркивая, что «за творчеством этого писателя-реалиста Андреев следил с особым вниманием, делился с ним мыслями об искусстве, задачах литературы, обсуждал животрепещущие вопросы эпохи» [4, с. 129], Вильчинский затем не только рассказывал на основе архивных материалов о взаимоотношениях двух писателей, но и приводил информацию о жизненном и творческом пути Шмелева, цитировал его переписку с Горьким, Чуковским и т. д.

Хотя помещена эта работа Вильчинского, как и первая, в разделе «Публикации и сообщения», с точки зрения шмелеведоведения она выходит за рамки «сообщений», поскольку предлагает концепцию жизненного и творческого пути Шмелева, в дореволюционной части во многом соответствующую послесловию Михайлова 1966 г. Обозначена она «пунктирно», еще более пунктирно мы ее воспроизведем. Это «нелегкая жизнь» в детстве, учеба на юридическом факультете Московского университета, «огромная» роль Горького в «становлении <...> литературного мастерства», первые произведения («На мельнице» и «На скалах Валаама»), которые Шмелев опубликовал еще студентом, успех, который Шмелеву принесли повести, созданные в 1905–1907 гг. («К солнцу», «Распад», «В норе», «Гражданин Уклекин», «Служители правды»), «особенная известность» повести «Человек из ресторана», «требовательность к собственному творчеству», которая «все более возрастала с ростом мастерства», укорененная связь Шмелева с Москвой, где «протекала его литературно-общественная, редакционно-публицистическая

работа», деятельность книгоиздательства писателей, сборники «Слово» и восьмитомное собрание его рассказов.

Как и критики и исследователи довоенных лет, Вильчинский связывает «художественное становление Шмелева» с «могучим воздействием» революции 1905–1907 гг. [4, с. 134], приводя в пример «Гражданина Уклейкина», «Человека из ресторана», «Вахмистра» и «Служителей правды». А затем он настаивает на том, что хотя Шмелев «в некоторых произведениях 1910-х годов (“Под горами”, “Пугливая тишина”))» и «углубился в импрессионистическую “живопись настроений”, в известной мере отступил от реалистических приемов письма», «дань писателя “моде” была недолгой и для него не характерной»: «В целом же Шмелев оказался в ряду тех литераторов, которые в тяжелые реакционные годы продолжали писать преимущественно в реалистическом духе, отстаивали демократические принципы искусства и его национальные традиции» [4, с. 135].

Хотя в этой работе намного больше биографических подробностей, эмиграции Вильчинский по-прежнему старается касаться минимально, тем более что тема его статьи этого не требует. Он пишет, что «Шмелев родился и долгое время жил в Москве, с ней связан почти весь его творческий путь до эмиграции, воспоминания о ней питали его перо на чужбине» [4, с. 133], а затем возвращается к эмиграции в заключительных абзацах, на этот раз рассказывая и о судьбе сына Шмелева, но не называя его имени:

Там (в эмиграции. — *Д.Н.*) вскоре очутился и Шмелев, враждебное отношение которого к советской власти определила гибель любимого сына — белогвардейского офицера, расстрелянного в 1921 году в Крыму.

Произведения, созданные Шмелевым за рубежом, весьма неравноценны, ко многим из них применимо автопризнание Л. Андреева: «Нет России. Нет и творчества».

Любовь к Родине, национальному искусству слова была той первоосновой, которая объединяла Андреева и Шмелева; разрыв с отчизной определил их трагическую судьбу, на долгие годы лишил права на «счастье быть писателем родным, национальным в лучшем смысле слова, тем, под трудами которого может смело стоять подпись русскими буквами...» [4, с. 140–141].

Вслед за Михайловым Вильчинский еще раз восстанавливает правильный год рождения писателя (1873), ссылаясь на его автобиографию 1913 г., хранящуюся в РО ГБЛ, и очерк «Иван Сергеевич

Шмелев» (Париж, 1960) Ю.А. Кутыриной, с которой оба они переписывались, и отмечая, что «указанный в некоторых источниках (библиография И.В. Владиславлева и др.) год рождения писателя 1875 — неверен, что идет от самого Шмелева» [4, с. 129].

Лишь в начале 1970-х гг., более чем через четверть века после окончания войны, к Шмелеву постепенно возвращается¹⁸ то место в истории русской литературы, которое он занимал в 1939 г. в книге Б.В. Михайловского. Прорывным в этом смысле можно считать 1972 г., когда шмелевские произведения в качестве полновесных составляющих включаются в академическое осмысление литературного процесса.

ИРЛИ в 1972 г. выпускает коллективный труд «Судьбы русского реализма начала XX века» под редакцией К.Д. Муратовой. В открывающей его статье Вильчинского «Реалистическая проза и драматургия 1905–1907 годов» «Гражданин Уклекин» характеризуется как «широко известный рассказ»: «Подчеркнутое внимание к быту и психике оскорбленных и униженных “бедных людей”, сочувствие их тяжелой судьбе характерно также для И.С. Шмелева, в частности, для широко известного рассказа “Гражданин Уклекин” (1907), а также для его повести “Служители правды” (1906). В этом глубоко гуманистическом произведении о талантливом сыне сапожника, ставшем известным художником, звучит страстная проповедь искусства, посвященного обличению царящего в мире зла, и вера писателя в то, что “черные дни” минуют, на земле восторжествует Правда» [22, с. 18].

В другой статье Вильчинского в этом труде — «Литература 1914–1917 годов» — цитируется письмо Шмелеву Андреева и анализируются произведения о Первой мировой войне. Здесь Вильчинский отмечает, что «правдивое отражение трагических событий мировой войны присуще и Шмелеву» [22, с. 261], что «в его рассказах 1915–1916 гг. показано постепенное осознание участниками войны напрасности огромных жертв и перенесенных страданий, передан назревавший на фронте и в тылу общественный протест» [22, с. 261–262].

¹⁸ В нашу задачу не входит перечисление всех работ о Шмелеве, но в качестве примера публикации, вышедшей не в Москве и не в Ленинграде, назовем еще «Запрещенную книгу о Валааме» А.В. Блюма (Север. (Петрозаводск). 1971. № 2. С. 109–110).

Называются не только вышедшие до революции «Лик скрытый» и «Забавное приключение». Вильчинский пишет и о «незаконченном романе из эпохи первой мировой войны “Солдаты”, написанном уже в эмиграции, в 20-е годы», — со ссылкой на парижское издание 1962 г. Интерпретация романа и процесса работы Шмелева над ним допускают даже возможное переиздание в СССР: «Несмотря на свою приверженность “белой идее” Шмелев не мог не осознать, что практика кадровых офицеров была бесконечно далека от норм, которые содержались в напыщенных представлениях о царской армии капитана Бураева. <...> Несмотря на явную тенденциозность отдельных страниц романа, в нем правдиво передана атмосфера враждебности либеральной интеллигенции и народных масс в армии насилия и угнетения, стоящей на страже обреченного историей общественного и государственного строя. Осознание этого, вероятнее всего, и привело И.С. Шмелева, всегда стремившегося быть “выразителем родного”, писателем “национальным в лучшем смысле слова”, — к отказу от дальнейшей работы над “Солдатами”» [22, с. 262–263].

Сама К.Д. Муратова дважды упоминает Шмелева в статье «Реализм нового времени в оценке критики 1910-х годов», а наибольшее внимание его творчеству уделяет Л.В. Крутикова в статье «Реалистическая проза 1910-х годов. (Рассказ и повесть)». Показательно, что в перечислениях, которых у Крутиковой много, Шмелев регулярно выдвигается в первый ряд, сразу за Горьким, Буниным и Куприным: «Не говоря о Горьком и Серафимовиче. писателях социалистического реализма, народная жизнь стала в центре внимания И. Бунина и А. Куприна, И. Шмелева и В. Шишкова, С. Сергеева-Ценского и М. Пришвина» [22, с. 165—166]; «Бунин и Куприн, Шмелев и Ценский, Вересаев, Чапыгин и Шишков, не говоря уже о Подъячеве, Вольнове, Касаткине, пришли в литературу, переполненные впечатлениями, вынесенными из гущи жизни» [22, с. 166]; «Заглавие горьковской книги “По Руси” могло бы стать названием многотомного собрания повестей, рассказов и очерков Бунина, Куприна, Шмелева, Сергеева-Ценского, Пришвина, Чапыгина, Касаткина, Шишкова, Подъячева, Вольнова — всей плеяды писателей-реалистов, писавших главным образом о России...» [22, с. 168] и т. д. Эмигрантский статус здесь уже не имеет значения, равно как и нет необходимости особо выделять связь Шмелева с Горьким, так что чаще всего Крутикова сближает Шмелева с еще здравствовавшим в Париже во время написания статьи Борисом Зайцевым: «Отчетливее всего внимание к будничной пестроте,

калейдоскопичности повседневной жизни и повышенный лиризм заметны в рассказах Шмелева (“Виноград”, “Карусель”, “Друзья”, “Гости”, “Росстани”), Касаткина <...>, Б. Зайцева <...>» [22, с. 177]; «В книгах Шмелева и Зайцева Русь выглядит хоть и пестрой, разноликой, но в основном — примиренной, благостной, живущей в ладу с природой, смиренно ожидающей или не менее смиренно взыскующей высшей правды, добра и красоты. Их немудреные герои умеют довольствоваться малым, радоваться редким мгновениям счастья, смирять свои порывы, спокойно переносить невзгоды (“Маша”, “Мать и Катя” Зайцева, “Гости”, “Друзья” Шмелева)» [22, с. 180]; «Зайцев и отчасти Шмелев поэтизировали личность, благостность, даже смиренность русского человека, умеющего безропотно принимать и невзгоды, и радости жизни» [22, с. 214]; «Шмелев и Зайцев возлагали надежды в большей мере на религиозно-космические основы бытия, на естественно-природный ход жизни, проникающий и объединяющий все живое» [22, с. 215].

В трудах ИМЛИ Шмелев также в начале 1970-х гг. занимает подобающее ему место. Если в вышедшем в 1971 г. томе коллективного труда «Русская литература конца XIX – начала XX вв.», посвященном 1901–1907 гг., Шмелев называется лишь раз, то в следующем, изданном в 1972 г. и охватывающем период 1908–1917 гг., есть и специальный раздел о нем в главе «Судьбы критического реализма», и множество других упоминаний.

В разделе, написанном В.А. Келдышем, в первом же абзаце, как и в очерке Михайловского 1957 г., отмечается связь Шмелева с Горьким и «Знанием», а в качестве лучших произведений 1906–1911 гг. называются «Гражданин Уклекин» и «Человек из ресторана» [19, с. 122]. Келдыш анализирует также повесть «Распад», рассказы «Иван Кузьмич», «Вахмистр», «Под небом», «На том берегу», а затем переходит к другому периоду, связанному уже с участием Шмелева в деятельности «Книгоиздательства писателей в Москве». Здесь рассматриваются «Стена», «Волчий пережат», «Поденка», «Пугливая тишина», «Карусель», «Виноград», «Росстани». Характеризуя творчество Шмелева эпохи Первой мировой войны, Келдыш отмечает, что от «бравурных, ура-патриотических настроений», которым «на первых порах поддался писатель», он приходит к «правдивому» изображению горя и лишений народных и «с ненавистью изобличает буржуазных дельцов», торгашей и лавочников [19, с. 129]. В качестве примеров приводятся сборник «Суровые дни», рассказ «Забавное приключение», который — и это

стоит подчеркнуть — характеризуется как «известный», а также «На крыльях», «На пункте», «Знамение», «На большой дороге», «Правда дяди Семена».

Если Крутикова связывает Шмелева и Зайцева, то у Келдыша и в этой главе, и в его книге «Русский реализм начала XX века» (1975) Шмелев примыкает к Куприну. Он также проводит к Шмелеву линию от Островского и Глеба Успенского, пишет, что «образ “маленького человека” в произведениях писателя — в кровном родстве с известной традицией русского классического искусства», «традиционализм Шмелева в сравнении с другими писателями-реалистами его времени, пожалуй, особенно заметен» [11, с. 98]. По мнению Келдыша, «в тех произведениях Шмелева, которые непосредственно отразили переживания революционного времени, любопытно соединяются новизна и почвенность», а «в главной теме своего творчества этой поры, теме кризиса устарелых форм русской жизни, Шмелев во многом обновляет традицию» [11, с. 99].

Нельзя не упомянуть и кандидатскую диссертацию А.П. Черникова «Творчество И.С. Шмелева (1895–1917 гг.)», защищенную в МГПИ им. В.И. Ленина в 1974 г. [25], и его публикации, предшествовавшие защите. Автобиография Шмелева, подготовленная Черниковым для журнала «Русская литература», была представлена в качестве материала к 100-летию со дня рождения писателя. Предварявшую автобиографию «врезку» Черников начинал с того, что «3 октября 1973 года исполнилось 100 лет со дня рождения Ивана Сергеевича Шмелева (1873–1950), одного из талантливых представителей критического реализма начала XX века», и затем создавал юбилейно-панегирический образ «народного» писателя: «С детских лет воспитывавшийся в тесном общении с простым ремесленным человеком, писатель хорошо знал его психологию, его нужды и стремления и чувствовал себя многим обязанным людям труда. Автор “Гражданина Уклейкина” и “Человека из ресторана” верил, что только в недрах народа существуют силы, способные сделать жизнь подлинно человеческой»; «Для этого народа и стремился Шмелев создавать свои произведения»; «Шмелев выступил в своих произведениях как выразитель стремлений полупролетарских и крестьянских масс к лучшей доле, как самобытный продолжатель традиций русской классической литературы» [24, с. 141].

Если в 1920-е гг. Шмелева-эмигранта, как было показано в нашей первой статье, называли монархистом и «до глупости злобным реакционером» [16, с. 274], то у Черникова даже эмиграция Шмелева

объясняется демократической позицией: «Однако Шмелев не смог выйти за пределы общедемократической позиции и стать на сторону революционного пролетариата. Это и обусловило, в конечном счете, его эмиграцию после Октября» [24, с. 141–142].

На последующих работах Черникова и других исследователей Шмелева мы в данной статье останавливаться не будем. К середине 1970-х гг. Шмелев в советском литературоведении возвращает свое место и в литературном процессе начала XX века, и в русской литературной традиции в целом. Однако большинство исследований хронологически ограничены 1917 или 1918 г. (см., например: [7]) и не включают не только произведения Шмелева эмигрантского периода, но и те, что были созданы в России после Октябрьской революции.

Такой подход в сочетании с отсутствием изданий эмигрантских произведений Шмелева и «естественным» барьером в вузовском преподавании, фактически отсекая почти 30 лет творчества писателя за рубежом, делал его достаточно значимой фигурой литературы начала XX в., но не 1920–1940-х гг.

Тем не менее даже в учебных курсах оказывается представлена и эмигрантская часть наследия Шмелева, хотя конкретные тексты, конечно, не входят в список обязательной или рекомендованной к прочтению литературы. Две страницы отводятся характеристике творчества Шмелева в учебном пособии для филологических специальностей университетов А.Г. Соколова «История русской литературы конца XIX – начала XX века» (1979). (Заметим, что одним из учителей А.Г. Соколова был Б.В. Михайловский.) Соколов констатирует, что «наиболее художественно зрелыми произведениями Шмелева были рассказ “Гражданин Уклекин” и повесть “Человек из ресторана”» [21, с. 38]. Помимо этого называются «На скалах Валаама», «К солнцу», «Вахмистр», «По спешному делу», «Распад», «Иван Кузьмич». Но представленный анализ творческого пути не ограничивается 1917 г. Отдельный абзац посвящен эмигрантскому периоду творчества писателя: «Произведения эмигрантского периода свидетельствуют уже о полном отказе писателя от демократических идей дореволюционного прошлого. За границей он пишет романы (“История любовная”, “Няня из Москвы”, “Пути небесные”), очерки (“Лето Господне” (у Соколова уже с заглавной буквы. — Д.Н.) и др.). В романе “Пути небесные”, который Шмелев считал своим лучшим произведением, он пишет об эпохе 70-х годов. Смысл романа — утверждение фатальной предначертанности

человеческих судеб, которая доказывается сложной символикой, явлением чудес. Шмелев с умилением пишет о патриархальной русской жизни, “исконном благочестии” русского человека, которое утрачивается в современности. Талант Шмелева явно оскудевает. В годы второй мировой войны он участвовал в прогерманских анти-советских изданиях» [21, с. 39].

В последнее десятилетие существования СССР наличие или отсутствие Шмелева в «историях русской литературы» и, соответственно, в отраженном в них литературном процессе определяется, главным образом, степенью подробности. К примеру, в изданном «Наукой» в 1983 г. и подготовленном в ИМЛИ томе «История русской литературы 11–20 веков. (Краткий очерк)» Шмелева нет. Но в вышедшем в том же году четвертом томе «Истории русской литературы» в 4 томах, которую делали в ИРЛИ и издали в той же «Науке» в Ленинградском ее отделении, — о Шмелеве сказано достаточно много. Упоминается он уже во «Введении», написанном редактором тома К.Д. Муратовой. «Человек из ресторана» вместе с «Господином из Сан-Франциско» Бунина приводятся в качестве примеров того, что в 1910-е гг. «принцип “идеологизма” сохранился, приняв новые формы». Отметим, что никакие другие произведения в перечислении не называются: за Буниным и Шмелевым следует лаконичное «и др.» [9, с. 21].

Вновь упоминается «Человек из ресторана» в главе Муратовой о Горьком и соцреализме — на этот раз в качестве примера того, как «многие писатели стремились как бы затушевать свое присутствие, уступив место своему герою». Причем сама конструкция, использованная Муратовой, предполагает общеизвестность, практически хрестоматийность произведения Шмелева: «Вспомним “Человека из ресторана” И. Шмелева» [9, с. 317].

Ну и, наконец, в разделе «Реалистическая проза 1910-х годов» к творчеству Шмелева несколько раз обращается О.В. Сливичкая. Произведения Шмелева опять, как и у Муратовой, выделяются в качестве яркого примера, подтверждающего выделенные закономерности литературного процесса: «Демократизм литературы 10-х гг. проявляется в стремлении ознакомить с массовой Россией, привлечь внимание к социальным слоям, которые не были еще предметом пристального изображения. Показательно в этом плане творчество И. Шмелева. Уже в повести “Господин Уклекин” (1907) писатель нашел свой аспект в разработке традиционной для русской литературы темы маленького человека. Сапожник Уклекин — верный сын своего времени, и характерны для него не

покорность судьбе, не кротость и терпение, а чувство собственного достоинства и зреющий социальный протест» [9, с. 612]. Обратим внимание, что произведение Шмелева названо именно «Господин Уклеikin» — и под тем же названием фигурирует в указателе. Хотя слово «гражданин» имеет ту самую акцентированную смысловую значимость, о которой и говорится в исследовательской оценке произведения. По-видимому, как отмечалось в нашей статье о межвоенном периоде, это влияние «Очерков истории новейшей русской литературы» В. Евгеньева-Максимова [16, с. 286].

В разделе упоминаются также «Весенний шум», «Виноград», «Волчий пережат» и «Росстани», страница посвящена «Человеку из ресторана». Здесь рассуждение начинается с того, что, «как и многие писатели дореволюционного времени, Шмелев предназначал свои произведения широким слоям демократического читателя» [9, с. 614]. Но генезис шмелевского подхода видится уже в ином: внимание, пусть и не акцентировано, обращается на религиозную составляющую: «Свое успокоение Скороходов видит не в социальном протесте, а в нравственно-религиозном сознании. Так, уловив одну из важнейших примет времени — пробуждение социальной мысли “маленького человека”, Шмелев раскрывает данное явление не в горьковском, а в толстовском ключе...» [9, с. 615].

Если в 1957–1966 гг. Шмелева издавали, но практически не изучали, то в 1970-х – начале 1980-х изучали, но не издавали. Даже в 1980-е гг. «Гражданина Уклеикина» и «Человека из ресторана», которые входили в список текстов в составленной А.Г. Соколовым программе университетского курса, рекомендовалось читать по сборнику 1960 г. «Повести и рассказы»¹⁹.

Лишь в 1983 г. в издательстве «Художественная литература» выходит книга под тем же названием «Повести и рассказы», вновь составленная О.Н. Михайловым и включившая по большей части републикованные уже произведения: «Человек из ресторана», «Росстани», «Забавное приключение», «Неупиваемая Чаша», «Весенний ветер», «Наполеон», «Обед “для разных”», «Ледоколье», «Ледяной дом», «Русская песня», «Мартовская капель», «Москвой», «Мартын и Кинга», «Царский золотой», «Небывалый обед», «Как я стал писателем», «Первая книга». Затем наступает очередной перерыв, и только спустя пять лет книги Шмелева начинают выпускаться

¹⁹ Программа курса «История русской литературы конца XIX – начала XX века (до 1917 г.). Для государственных университетов. (Министерство высшего и среднего специального образования СССР). М.: Изд-во Московского ун-та, 1982. С. 23.

в СССР одну за другой. И все большее и большее место в них занимают произведения, написанные в эмиграции. В 1988 г. в издательстве «Советская Россия» выходит «Лето Господне» с вступительной статьей О.Н. Михайлова²⁰, в 1989 г. — подготовленные им же «Избранное» в издательстве «Правда»²¹ и двухтомник, включивший, в частности, «Богомолье» и «Лето Господне»²², в издательстве «Художественная литература».

Начинается и новый этап его «присутствия» в стране и в исследовательском поле, в ходе которого созданное за рубежом сперва встает рядом с дореволюционными произведениями, а затем и оттесняет их, так что для современного читателя Шмелев — в первую очередь автор не «Человека из ресторана» и «Гражданина Уклейкина», а «Богомолья» и «Лета Господня». Но основные перемены в данном направлении происходят уже в постсоветскую эпоху, а потому остаются за рамками данной статьи.

Литература

1. Архив А.М. Горького. М.: ГИХЛ, 1954. Т. IV: А.М. Горький. Письма к К.П. Пятницкому. 448 с.
2. Архив А.М. Горького. М.: ГИХЛ, 1959. Т. VII: А.М. Горький. Письма к писателям и И.П. Ладыжникову. 382 с.
3. *Вильчинский В.П.* И.С. Шмелев в журнале «Родник» // Русская литература. 1966. № 3. С. 185–190.
4. *Вильчинский В.П.* Л. Андреев и И. Шмелев // Русская литература. 1971. № 4. С. 129–141.
5. *Волков А.А.* М. Горький и литературное движение конца XIX и начала XX века. М.: Сов. писатель, 1951. 532 с.
6. *Волков А.А.* Очерки русской литературы конца XIX и начала XX века. 2-е изд., испр. и доп. М.: ГИХЛ, 1955. 564 с.
7. *Дунаев М.М.* Своеобразие реализма И.С. Шмелева (Творчество 1894–1918 годов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1979. 24 с.
8. История русской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 10: Литература 1890–1917 годов. 804 с.

²⁰ *Шмелев И.С.* Лето Господне: Праздники. Радости. Скорби / вступ. ст. О. Михайлова. М.: Сов. Россия, 1988

²¹ *Шмелев И.С.* Избранное / сост., подгот. текста и вступ. ст. О. Михайлова; примеч. Е. Любимовой. М.: Правда, 1989.

²² *Шмелев И.С.* Сочинения: в 2 т. / сост., подгот. текста и коммент. О. Михайлова. М.: Худож. лит., 1989.

9. История русской литературы: в 4 т. Л.: Наука, 1983. Т. 4: Литература конца XIX – начала XX века (1881–1917). 784 с.
10. *Келдыш В.А.* Русский реализм начала XX века. М.: Наука, 1975. 280 с.
11. Летопись жизни и творчества А.М. Горького. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Вып. 2: 1908–1916. 623 с.
12. *Михайлов О.Н.* Иван Сергеевич Шмелев (1873–1950) // *Шмелев И.С.* Повести и рассказы. М.: ГИХЛ, 1960. С. 3–21.
13. *Михайлов О.Н.* О Шмелеве // *Шмелев И.С.* Повести и рассказы. М.: Худож. лит., 1966. С. 3–18.
14. *Михайловский Б.В.* Русская литература XX века с девяностых годов XIX века до 1917 г. М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Наркомпроса РСФСР, 1939. 420 с.
15. *Михайловский Б.В.* И.С. Шмелев // *Шмелев И.С.* Человек из ресторана. М.: ГИХЛ, 1957. С. 3–14.
16. *Николаев Д.Д.* Шмелев в СССР. (Статья первая: издания и рецепция в до-военный период) // Литературный факт. 2024. № 2 (32). С. 263–291. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-263-291>
17. Очерк истории русской советской литературы. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Ч. 1. 376 с.
18. *Проскурин В.* К характеристике творчества и личности Ф.Д. Крюкова // Русская литература. 1966. № 4. С. 179–186.
19. Русская литература конца XIX – начала XX в. М.: Наука, 1972. [Кн. 3:] 1908–1917. 736 с.
20. Русская Советская литература: очерк истории. М.: Учпедгиз, 1963. 746 с.
21. *Соколов А.Г.* История русской литературы конца XIX – начала XX века. М.: Высшая школа, 1979. 399 с.
22. Судьбы русского реализма начала XX века / под ред. К.Д. Муратовой. Л.: Наука, 1972. 283 с.
23. *Тимофеев Л.И.* Поэтика Маяковского. М.: Сов. писатель, 1941. 104 с.
24. *Черников А.П.* И.С. Шмелев. Автобиография (публикация) // Русская литература. 1973. № 4. С. 141–146.
25. *Черников А.П.* Творчество И.С. Шмелева (1895–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974. 22 с.

Shmelev in the USSR (Chapter Two: Editions and Reception in Post-War Period)

© 2024. Dmitry D. Nikolaev

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The article examines the history of the publication and reception of I.S. Shmelev's works in the USSR from the point of view of his emigrant status after the Great Patriotic War. In the after-war decade, Shmelev practically disappeared not only from the readers' but also from the research area. He is not considered a figure of sufficient significance in the literary process, even in the fundamental academic "History of Russian Literature." Only in 1957, Shmelev's first book with a preface by B.V. Mikhailovsky was published in the USSR after a long break, and then two more collections prepared by O.N. Mikhailov (in 1960 and 1966), which gradually filled in the gaps in educational and academic works. Shmelev's works entered the scholarly interpretation of the literary process as full-fledged components only in the 1970s, but this applies only to the pre-revolutionary period. The complete description of the emigrant period is still a few pages in the preface by O.N. Mikhailov (1966). In 1957–1966, Shmelev was published but practically not studied, and in the 1970s and early 1980s, Shmelev was studied but not published. Only since 1988 Shmelev's books begin to be published in the USSR one after another. A new stage of his "presence" in his homeland begins, during which his emigre works first rose to the level of pre-revolutionary works and then came forward.

Keywords: Ivan Shmelev, reception, literary heritage, literary criticism, journalism, Boris Mikhailovsky, Oleg Mikhailov.

Information about the author: Dmitry D. Nikolaev, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8449-4682>

E-mail: ddnikolaev@mail.ru

For citation: Nikolaev, D.D. "Shmelev in the USSR. (Chapter Two: Editions and Reception in Post-War Period)." *Literaturnyi fakt*, no. 3 (33), 2024, pp. 378–415. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-33-378-415>

References

1. *Arkhiv A.M. Gor'kogo [Archive of A.M. Gorky]*, vol. 4: A.M. Gor'kii. Pis'ma k K.P. Piatnitskomu [A.M. Gorky. Letters to K.P. Pyatnitsky]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1954. 448 p. (In Russ.)

2. *Arkhiv A.M. Gor'kogo [Archive of A.M. Gorky]*, vol. 7: A.M. Gor'kii. Pis'ma k pisateliam i I.P. Ladyzhnikovu [A.M. Gorky. Letters to Writers and I.P. Ladyzhnikov]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1950. 382 p. (In Russ.)

3. Vil'chinskii, B.P. "I.S. Shmelev v zhurnale 'Rodnik'." ["I.S. Shmelev in the Journal 'Rodnik'."] *Russkaia literatura*, no. 3, 1966, pp. 185–190. (In Russ.)
4. Vil'chinskii, V.P. "L. Andreev i I. Shmelev" ["L. Andreev and I. Shmelev"]. *Russkaia literatura*, no. 4, 1971, pp. 129–141. (In Russ.)
5. Volkov, A.A. *M. Gor'kii i literaturnoe dvizhenie kontsa XIX i nachala XX veka* [M. Gorky and the Literary Movement of the Late 19th and Early 20th Centuries]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1951. 532 p. (In Russ.)
6. Volkov, A.A. *Ocherki russkoi literatury kontsa XIX i nachala XX veka* [Essays on Russian Literature of the Late 19th and Early 20th Centuries]. 2nd ed., rev. and enl. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1955. 564 p. (In Russ.)
7. Dunaev, M.M. *Svoeobrazie realizma I.S. Shmeleva (Tvorchestvo 1894–1918 godov)* [The Originality of I.S. Shmelev's Realism (Works of 1894–1918): PhD Thesis, Summary]. Leningrad, 1979. 24 p. (In Russ.)
8. *Istoriia russkoi literatury* [History of Russian Literature], vol. 10: Literatura 1890–1917 godov [Literature of 1890–1917]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1954. 804 p. (In Russ.)
9. *Istoriia russkoi literatury: v 4 t.* [History of Russian Literature: in 4 vols.], vol. 4: Literatura kontsa XIX – nachala XX veka (1881–1917) [Literature of the Late 19th – Early 20th Centuries (1881–1917)]. Leningrad, Nauka Publ., 1983. 784 p. (In Russ.)
10. Keldysh, V.A. *Russkii realizm nachala XX veka* [Russian Realism of the Early 20th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 280 p. (In Russ.)
11. *Letopis' zhizni i tvorchestva A.M. Gor'kogo* [Chronicle of A.M. Gorky's Life and Work], issue 2: 1908–1916 [1908–1916]. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1954. 623 p. (In Russ.)
12. Mikhailov, O.N. "Ivan Sergeevich Shmelev (1873–1950)" ["Ivan Sergeevich Shmelev (1873–1950)"]. Shmelev, I.S. *Povesti i rasskazy* [Novels and Stories]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1960, pp. 3–21. (In Russ.)
13. Mikhailov, O.N. "O Shmeleve" ["About Shmelev"]. Shmelev, I.S. *Povesti i rasskazy* [Novels and Stories]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1966, pp. 3–18. (In Russ.)
14. Mikhailovskii, B.V. *Russkaia literatura XX veka s devianostykh godov XIX veka do 1917 g.* [Russian Literature of the 20th Century from the 1890s to 1917]. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Narkomprosa RSFSR Publ., 1939. 420 p. (In Russ.)
15. Mikhailovskii, B.V. "I.S. Shmelev" ["I.S. Shmelev"]. Shmelev, I.S. *Chelovek iz restorana* [A Man from a Restaurant]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1957, pp. 3–14. (In Russ.)
16. Nikolaev, D.D. "Shmelev v SSSR. (Stat'ia pervaiia: izdaniia i retseptsiia v dovoennyi period)" ["Shmelev in the USSR. (Chapter One: Editions and Reception in Pre-War Period)"]. *Literaturnyi fakt*, no. 2 (32), 2024, pp. 263–291. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-263-291> (In Russ.)

17. *Ocherk istorii russkoi sovetsoi literatury* [Essay on the History of Russian Soviet Literature], part 1. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1954. 376 p. (In Russ.)

18. Proskurin, V. “K kharakteristike tvorchestva i lichnosti F.D. Kriukova” [“On the Characteristics of F.D. Kryukov’s Creative Work and Personality”]. *Russkaia literatura*, no. 4, 1966, pp. 179–186. (In Russ.)

19. *Russkaia literatura kontsa XIX – nachala XX v.* [Russian Literature of the Late 19th – Early 20th Centuries], book 3: 1908–1917 [1908–1917]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 736 p. (In Russ.)

20. *Russkaia Sovetskaia literatura: ocherk istorii* [Russian Soviet Literature: An Outline of History]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1963. 746 p. (In Russ.)

21. Sokolov, A.G. *Istoriia russkoi literatury kontsa XIX – nachala XX veka* [History of Russian Literature of the Late 19th – Early 20th Centuries]. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1979. 399 p. (In Russ.)

22. Muratova, K.D., editor. *Sud’by russkogo realizma nachala XX veka* [The Fate of Russian Realism of the Early 20th Century]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 283 p. (In Russ.)

23. Timofeev, L.I. *Poetika Maiakovskogo* [Mayakovsky’s Poetics]. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ., 1941. 104 p. (In Russ.)

24. Chernikov, A.P. “I.S. Shmelev. Avtobiografiia (publikatsiia)” [“I.S. Shmelev. Autobiography (Publication)”]. *Russkaia literatura*, no. 4, 1973, pp. 141–146. (In Russ.)

25. Chernikov, A.P. *Tvorchestvo I.S. Shmeleva (1895–1917 gg.)* [I.S. Shmelev’s Creative Work (1895–1917): PhD Thesis, Summary]. Moscow, 1974. 22 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 04.03.2024
Одобрена после рецензирования: 28.04.2024
Дата публикации: 25.09.2024

The article was submitted: 04.03.2024
Approved after reviewing: 28.04.2024
Date of publication: 25.09.2024